

УДК 748

Наталья КОРОВИЦЫНА

ДИНАМИКА КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА*

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в классовой структуре общества восточноевропейского типа после 1989 г. – период перехода от социализма к капитализму. Отрицается представление о «смерти классов» и показывается процесс формирования классов и слоёв новой социальной стратификации, соотношения «выигравших» и «проигравших», протестного движения последних в начале XXI в.

Ключевые слова: классовая структура, социальная стратификация, посткоммунистическое общество, протестное движение.

После 1989 г. классы исчезли не только из общественной жизни, но и из академического дискурса Восточной Европы с быстротой, адекватной их частому использованию в период социализма. Одновременно прекратила своё существование официальная идеология, в которой классы играли решающую роль. Тема класса в 1990-е гг. однозначно утратила доминирующее положение в постсоциалистических странах и в мировом обществоведении в целом. Спор о классах в обществоведении посткоммунистических стран был вытеснен на периферию новыми темами: трансформация, модернизация, гражданское общество, гражданственность. Однако сегодня понятие «класс» больше не является табу среди нового поколения левых интеллектуалов стран региона, использующих его для указания на социальные антагонизмы и конфликты, игнорируемые официальным политическим течением¹.

Если многие западные страны испытали снижающиеся или стабильные связи между классом и избирательным выбором, тенденция классового голосования в посткоммунистических странах совершенно отлична. Анализ подтверждает, что классовое голосование, появившееся в начале 1990-х гг., возросло в ЧР в период со второй половины этого десятилетия, особенно в 1998–2010 гг.² Источником рестратификации чешского общества является возрастающее социальное неравенство³. Оно вело к появлению конфликтных линий, предопределяющих выбор политических партий.

Ряд исследований избирательного поведения классов показывает, что чешский электорат голосует в соответствии с классовой принадлежностью или «голосует своим карманом»⁴. Более высокие классы участвуют в выборах чаще, чем более низкие⁵. С низшими слоями больше идентифицируются квалифицированные, полуквалифицированные и неквалифицированные

© **Коровицына Наталья Васильевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН. Адрес: Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: korovicyna@mail.ru. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32018158164>

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».

¹ Drahekoupil J. Class in Czechia: The legacy of stratification research. East European Politics and societies and cultures. 2015. №3.

² Smith M., Matějů P. Restratifikace české politiky. Vývoj třídně podmíněného volebního chování v letech 1992–2010. Sociologický časopis/Czech sociological review. 2011. №1. S. 33-59.

³ Linek L., Lyons P. Dočasná stabilita? Volební podpora politických stran v České republice v letech 1990–2010. Praha, 2013. S. 106.

⁴ Vlachová K., Häuberer J. Volební chování sociálních tříd. Voliči a volby 2010. Praha, 2012. S. 152.

⁵ Vlachová K., Řeháková B. Sociální třída a její vliv na volební chování. Voliči a volby 2006. Praha, 2007. S. 136.

ные рабочие. К низшему среднему классу чаще всего относят себя рутинные нефизические работники и низшие профессионалы. Средний высший и высший классы образуют крупные предприниматели и высшие профессионалы.

Наибольшее количество – $\frac{2}{5}$ (38%) опрошенных воспринимают чешское общество как общество отдельных трёх миров: низшего класса, большинства общества и общественной верхушки. $\frac{2}{3}$ (67%) убеждены, что в чешском обществе преобладает зависть над толерантностью по отношению к имущественным различиям. Чехи хотят, чтобы их дети усвоили прежде всего ценность справедливости. По сравнению с исследованием от 2015 г. в апреле 2018 г. произошёл рост позитивной оценки возможности самореализации (с 41 до 58%) и равенства возможностей (с 27 до 38%)¹.

Социальные изменения, вызванные «бархатными» революциями, идентифицируются как ключевой фактор, ведущий к неравенствам, характеризующим современное центрально- и восточноевропейское общество². Неравенства были здесь и раньше, но они основывались на политическом капитале, а не экономическом. Природа их отличалась фундаментально от известной по капиталистическому миру³.

Быстрый рост самозанятого класса, практически не существовавшего до 1989 г., в конце 2000-х достиг 10% населения. Работа для высококвалифицированных рабочих драматически сократилась в Словакии с 28% занятых в конце 1980-х до 14% в 2009 г. Молодое поколение словацких социологов сейчас регулярно критикует культ рынка и предлагает альтернативную политическую экономию, хотя неолиберальная гегемония в общественном дискурсе мешает им быть услышанными.

Социологи не отказались от концепта класса в отличие от носителей массового сознания. Наблюдения показали «сжатие» рабочего класса, экспансию занятости в сфере торговли и услуг (в Польше достигшей 24% рабочей силы в 2013 г.)⁴ и увеличение численности мелких предпринимателей после 1989 г., ставшего переломным для социально-классовой структуры стран региона. Среди капиталистических классов только мелкие предприниматели рассматривались как класс⁵. Безработица, неизвестная в социалистических странах, в начале 1990-х гг. подскочила до 16% и достигла 20% после 2000 г.⁶ Переструктурирование рынка труда было драматическим, и ни одна из групп не была защищена от потери стабильности: для людей с профессиональным образованием риск потери постоянной работы возрос более чем пятикратно, а для людей с начальным, средним и высшим образованием – более чем десятикратно⁷. От пожизненной занятости на одном рабочем месте совершился переход к совер-

¹ Tuček M. *Názory na uspořádání společnosti a sociální soudržnost*. Tiskové zprávy SU AV ČR. 28.05.2018.

² Bunčák J., Dzambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. On some questions of social stratification in Slovak society. *Slovak sociological review*. 2011, №5. P. 506.

³ Fabo B. Rediscovering inequality and class analysis in post-1989 Slovakia. *East European Politics and societies and cultures*. 2015. №3. P. 590.

⁴ Slomczynski K., Sawinski Z., Tomescu-Dubrow I. *Occupational careers: from simple to complex approaches. Dynamics of social structure: Poland's transformative years 1988–2013*. Warsaw 2016. P. 39.

⁵ Machonin P., Tuček M., Nekola M. The Czech economic elite after fifteen years of post-socialist transformation. *Czech sociological review*. 2007. P. 537-540.

⁶ Mikucka M. The transition to insecurity: employment dynamics and its socio-demographic differentiation. *Dynamics of social structure*. P. 63.

⁷ Ibid. P. 88.

шенно другому типу профессиональных карьер – сдвигам от одной кратковременной работы к другой. Причём, хотя количество выпускников вузов резко возросло, процент высокообразованных управленцев и специалистов остался принципиально неизменным. Это значит, что обладатели дипломов о высшем образовании были вынуждены занимать более низкие профессиональные позиции¹. После 1989 г. в Восточной Европе появляется новая социальная группа – прекариат – люди безработные или занятые, но зарабатывающие ниже прожиточного минимума и неспособные прокормить себя. Это единственный класс, численность которого растёт в странах региона, тогда как рабочий класс в значительной мере перестал существовать. В Польше прекариат составляет уже 30% населения².

Большие перемены происходили в сельской местности. На фоне дезаграризации (падения доли крестьянства в результате их исхода в города) совершалась пролетаризация, раскрестьянивание села (рост доли различных категорий рабочих), особенно после 2000 г. Село стало более рабочим, чем город, именно рабочие, а не крестьяне стали доминирующей социальной группой села, теряющего свою социальную специфику. В результате наплыва в сёла, особенно в 1990-е гг., среднего класса из городов, часто идеализировавших сельскую жизнь, шёл процесс обуржуазивания, гентрификации сельской местности. Доля сельских жителей с высшим образованием возросла в Польше пятикратно. Здесь наблюдался своего рода ренессанс села³.

Один класс играл выдающуюся роль в социологическом дискурсе – средний. Он заменил ценность и материальную гегемонию рабочего класса, став критерием оценки развития социальной структуры. Различался старый средний класс, «занятый в производстве и распределении материальных товаров и услуг», и новый, «занятый в производстве и распределении символического знания»⁴. Поляризация восточноевропейского общества происходила в результате постепенной деградации средних слоёв и роста численности прежде всего низшего и в меньшей степени высшего классов, а также маргинализации и обнищания низших слоёв. За период после 2010 г. имущество наиболее обеспеченных слоёв польского населения увеличилось на 44%, а бедных – уменьшилось на 41%⁵.

Примерно $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ часть восточноевропейского общества составили маргинальные группы населения (Польша лидирует в Европе по доле «мусорных» трудовых договоров, прежде всего среди молодёжи), многие, также особенно часто молодёжь, разочарованы в жизненных перспективах⁶. Материальный успех стал основой различия «выигравших» и «проигравших», а мерилом успеха безальтернативно выступил материальный достаток. Стремление к материальному успеху у людей было всегда, но именно в настоящее время отмечается его тотальный характер, и этот фактор выступает чуть ли не единственным определяющим успех и

¹ Domański H., Przybysz D. Friendship patterns and social inequality. Dynamics of social structure. P. 157.

² Jarosz M., Kozak M.W. Poza systemem: instytucje i społeczeństwo. Warszawa, 2016. S. 136.

³ Halamska M., Hoffmann R., Stanny M. Studia nad strukturą społeczną wieskiej Polski. Tom 2. Warszawa, 2017. S. 39-40.

⁴ Drahekoupil J. Op. cit. P. 585.

⁵ Jarosz M., Kozak M.W. Op. cit. S. 141.

⁶ Только 14% польской молодёжи в возрасте 18-24 лет интересуется политикой и треть является сторонниками демократии. Jarosz M., Kozak M.W. Op. cit. S. 21.

является самодовлеющим. Деньги помещаются наверху ценностной иерархии, успех измеряется только ими¹.

Важным сдвигом социальной структуры обществ восточноевропейского типа явился массовый переход рабочих из категории квалифицированных и мастеров в категорию низкоквалифицированных рабочих², а также мелких предпринимателей. Снижение численности рабочего класса в Польше сопровождалось процессами его «обуржуазивания» и «пролетаризацией» среднего класса³. Из всех классов общества при переходе к капиталистической системе рабочие понесли наибольшие потери – они перестали быть господствующим классом, ощутило потеряли в заработках и социально-профессиональном престиже. Спустя четверть века после смены режима квалифицированные и неквалифицированные рабочие как группы в наибольшей степени потерявшие в ходе трансформации не считали, что индивидуальные заслуги и усилия ведут к успеху⁴. В целом проигравшие возникли во многом за счёт выигравших. Восточноевропейское общество сложилось в итоге как поляризованное и двумерное.

Наиболее выраженной вариацией дифференциации общества восточноевропейского типа является социальная структура болгарского общества.

Ещё в позднесоциалистический период в массовом сознании болгар, как и остальных жителей региона, образовался конфликт между «привилегированными партийными партфункционерами (или номенклатурой)» и «простыми людьми». Эта дихотомия преобразовалась в наши дни в моральный конфликт между политиками или «коррупцированными элитами» и «честными простыми людьми», когда первые рассматриваются как богатые, выигравшие от посткоммунистического перехода, а вторые – как обедневшие проигравшие. Исследователи обращают внимание на острую поляризацию общества с двумя крайностями – огромным, чрезмерным богатством (и властью), с одной стороны, и деградирующей, экстремальной бедностью, с другой стороны. Такое деление образует демаркационную линию в массовом восприятии, а не только в общественной науке⁵.

В глазах простых людей в обществах восточноевропейского типа – болгарском, словацком и других – посткоммунистическая стратификация сформировалась не как классическая социальная пирамида, а, скорее, как груше-подобная с небольшим количеством людей в середине, большим – на дне и минимальным – сверху, как короткого узкого горлышка. В 1993–1994 гг. менее 1% населения Болгарии видели себя принадлежащими к верхнему классу, около четверти отождествлялись со средним слоем и явное большинство – 63% – идентифицировалось с низшим социальным слоем. Сложилась стабильная дихотомия общественного сознания между «богатыми коррупцированными политиками», с одной стороны, и «бедными простыми людьми», с другой, что долгое время не вело к массовым протестам.

¹ Данилова Е.Н. «Выигравшие» и «проигравшие» как конструкты доминирующего дискурса. Мир России. 2014, №2. С. 75-102.

² Bunčák J., Džambazovič R. Statusové a príjmové nerovnosti ekonomicky aktívnych obyvateľov Slovenska. Desaťročia premien slovenskej spoločnosti. Bratislava, 2011. S. 221.

³ Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? Warszawa, 2015. S. 205.

⁴ Baczko-Dombi A., Wymulek I. Perceived determinants of success: factors and dynamics of change. Dynamics of social structure. P. 264.

⁵ Boyadjieva P., Kabakchieva P. Inequality in poverty: Bulgarian sociologists on class and stratification. East European politics and societies and cultures. 2015. P. 632.

Последующие болгарские исследования 2002, 2006 и 2007 гг., продемонстрировали аналогичные результаты: люди рассматривали политиков, экс-номенклатуру, членов мафии, и преступников как выигравших от перехода, а простой народ, население, рабочих и пенсионеров как проигравших. Бедность вела к сокращению социальных сетей до уровня замкнутых кругов родственников и соседей. Социальное «сжатие» сопровождалось выпадением из общества в целом. Отсутствие социальных сетей делало коллективную акцию и политический протест невозможными. Если люди протестовали, они делали это через криминальные формы активности и/или голосование за оппозицию, независимо от того, кто эта оппозиция. Если определённая группа выходила на забастовку, большинство населения оставалось убеждённым, что эта группа добивается для себя более высокой оплаты труда и делает это за счёт других. Целый ряд исследований демонстрирует это недоверие, которое в сочетании с доминирующими ценностями неолиберализма заставляет всех спасаться поодиночке. Люди рассматривают своих соотечественников, скорее, как соперников, чем как союзников. Результат – широко-масштабная атомизация общества и своего рода неолиберальная утопия, когда нет такого явления как общество, только индивидуальные мужчины и женщины.

Протесты, начавшиеся в Болгарии в 2013 г., явились столкновением между простыми людьми и мафиозными политиками, но меньше касались экономических вопросов, а больше – безнравственности власти и борьбы за перемены под лозунгом «Двадцать четыре года достаточно» и требования смены систем, замены представительной демократии на демократию прямую, налаживания функционирования государства¹.

Более успешно по сравнению со странами Юго-Восточной Европы развиваются страны Центральной Европы или Вишеградской четвёрки – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, – хотя общие закономерности динамики после 1989 г., в том числе направления социально-классовых сдвигов, объединяют бывший социалистический регион.

Польские социологи убеждены, что не существует демократии высокого качества без значительного равенства в структуре общества². Нынешняя ситуация крайне далека от модели равных шансов. В условиях, когда уже к середине 1990-х гг. произошёл сдвиг от общих ценностей к собственным интересам каждого индивида³, большинство восточноевропейцев оказались недовольными функционированием демократии. Сложилась система, которую никак нельзя назвать экономически и социально справедливой⁴.

Список литературы

Данилова Е.Н. «Выигравшие» и «проигравшие» как конструкты доминирующего дискурса. Мир России. 2014, №2. С. 75-102.

¹ Boyadjieva P., Kabakchieva P. Op. cit. S. 643.

² Mach B.W. Jakość demokracji a struktura społeczna: uwagi koncepcyjne i ilustracje empiryczne. Jakość naszej demokracji: społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego. Warszawa, 2012. S. 25.

³ Matějů P., Řeháková B. Turning left or class realignment. Analysis of the changing relationship between class and party in the Czech Republic. 1992–1996. East European Politics and societies. 1997. P. 597-547.

⁴ Červenka J., Tuček M. Dynamika diferenciacie příjmů a majetku. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha, 2003. S. 147.

References

- Baczko-Dombi A., Wyszulek I. Perceived determinants of success: factors and dynamics of change. *Dynamics of social structure: Poland's transformative years 1988–2013*. Warsaw 2016. P. 264.
- Boydjjeva P., Kabakchieva P. Inequality in poverty: Bulgarian sociologists on class and stratification. *East European politics and societies and cultures*. 2015. P. 632.
- Bunčák J., Džambazovič R. Statusové a príjmové nerovnosti ekonomicky aktívnych obyvateľov Slovenska. *Desaťročia premien slovenskej spoločnosti*. Bratislava, 2011. S. 221.
- Bunčák J., Džambazovič R., Hrabovská A., Sopóci J. On some questions of social stratification in Slovak society. *Slovak sociological review*. 2011, №5. P. 506.
- Červenka J., Tuček M. *Dynamika diferenciacie príjmu a majetku. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí*. Praha, 2003. S. 147.
- Danilova E.N. «Vyigraevshie» i «proigraevshie» kak konstrukty dominirueschego diskursa. *Mir Rossii*. 2014, №2. S. 75-102.
- Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? Warszawa, 2015. S. 205.
- Domański H., Przybysz D. Friendship patterns and social inequality. *Dynamics of social structure*. P. 157.
- Drahokoupil J. Class in Czechia: The legacy of stratification research. *East European Politics and societies and cultures*. 2015, №3.
- Fabo B. Rediscovering inequality and class analysis in post-1989 Slovakia. *East European Politics and societies and cultures*, 2015, №3. P. 590.
- Halamska M., Hoffmann R., Stanny M. *Studia nad strukturą społeczną wieskiej Polski. Tom 2*. Warszawa, 2017. S. 39-40.
- Jarosz M., Kozak M.W. *Poza systemem: instytucje i społeczeństwo*. Warszawa, 2016. S. 136.
- Linek L., Lyons P. Dočasná stabilita? Volební podpora politických stran v České republice v letech 1990–2010. Praha, 2013. S. 106.
- Mach B.W. Jakość demokracji a struktura społeczna: uwagi koncepcyjne i ilustracje empiryczne. *Jakość naszej demokracji: społeczno-kulturowe podstawy polskiego życia publicznego*. Warszawa, 2012. S. 25.
- Machonin P., Tuček M., Nekola M. The Czech economic elite after fifteen years of post-socialist transformation. *Czech sociological review*. 2007. P. 537-540.
- Matějů P., Řehaková B. Turning left or class realignment. Analysis of the changing relationship between class and party in the Czech Republic. 1992–1996. *East European Politics and societies*. 1997. P. 597-547.
- Mikucka M. The transition to insecurity: employment dynamics and its socio-demographic differentiation. *Dynamics of social structure*. P. 63.
- Slomczynski K., Sawinski Z., Tomescu-Dubrow I. Occupational careers: from simple to complex approaches. *Dynamics of social structure*. P. 39.
- Smith M., Matějů P. Restratifikace české politiky. Vývoj třídně podmíněného volebního chování v letech 1992–2010. *Sociologický časopis/Czech sociological review*, 2011, №1. S. 33-59.
- Tuček M. *Názory na uspořádání společnosti a sociální soudržnost*. Tiskové zprávy SU AV ČR.

28.05.2018.

Vlachová K., Häuberer J. Volební chování sociálních tříd. Voliči a volby 2010. Praha, 2012. S. 152.

Vlachová K., Řeháková B. Sociální třída a její vliv na volební chování. Voliči a volby 2006. Praha, 2007. S. 136.

Dynamics of postcommunist society class structure

Author. Korovitsyna N. PhD (History), Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** korovitsyna@mail.ru.

Abstract. The article discusses the changes in the class structure of East European society after 1989 – period of transition from socialism to capitalism. Rejected idea of «death of classes» and shown process of classes and lays of new social stratification formation, alignment of «winners» and «losers», protest movement of the latest at the beginning of 21 century.

Key words: technical regulation, fair competition, integration technologies, European Union, Eurasian Economic Union.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32018158164>